

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА Г. БАБЕФА

(К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Публикуемые ниже письма Гракха Бабефа к жене и старшему сыну Роберу-Эмилю представляют большой интерес для изучения его биографии. Документы отражают деятельность Бабефа как убежденного и стойкого революционера, ярко рисуют его обаятельный облик кристально честного человека, дают представление о той страшной материальной нужде, в которой находились он и его семья.

Из обширной переписки Бабефа, хранящейся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), в настоящую публикацию включено 13 писем.

Два первых письма (док. № 1 и 2) относятся к 1789 г., когда в связи со своей работой над книгой «Постоянный кадастр» Бабеф из небольшого городка Руа в Пикардии, где он жил с 1782 г., приехал в Париж на третий день после взятия Бастилии. Письма содержат описание Парижа в те дни, размышления Бабефа по поводу событий, свидетелем которых он явился.

В 1790 г. Бабеф, вернувшись в Руа, стал во главе движения против взимания косвенных налогов, которое приняло такой размах, что обратило на себя внимание в Париже. По решению податного суда (Cour des Aides) Бабеф был арестован и препровожден в парижскую тюрьму. После двухмесячного заключения, во время которого жена и сын приехали в Париж для хлопот по его делу, Бабеф добился освобождения. В августе 1790 г., когда его семья находилась еще в Париже, Бабеф вернулся на родину, о чем он сообщает в письме от 12 августа 1790 г. (док. № 3). В письме от 20 августа 1790 г. (док. № 4) Бабеф рассказывает об исключительно теплой встрече, устроенной ему в Пикардии, где его популярность в это время очень возросла.

После свержения монархии в 1792 г. Бабеф был избран в состав директории департамента Соммы, а затем — одним из администраторов дистрикта Мондилье. Однако многочисленные политические противники Бабефа, воспользовавшись его незначительным служебным промахом, добились отстранения его от этой должности и предания суду по обвинению в подлоге. Бабеф, зная, что противники расправятся с ним беспощадно, не дожидаясь суда, уехал в Париж, чтобы доказать неелесть и злонамеренность предъявленного ему обвинения, которые становятся особенно ясны из его писем к жене, относящихся к февралю — апрелю 1793 г. (док. № 5 и 6).

Свое пребывание в Париже в 1793 г., в год установления якобинской диктатуры, Бабеф подробно освещает в письмах к жене (док. № 7, 8 и 9), рассказывая о народных выступлениях 31 мая и 2 июня, а также о своей работе в продовольственной администрации Парижа и своих связях с демократическими кругами столицы.

В ноябре 1793 г. по настоянию врагов, добившихся в департаментском суде его заочного осуждения на 20 лет каторжных работ, Бабеф был снова арестован. В тюрьме Бабеф ведет настойчивую борьбу за разоблачение контрреволюционеров

из департамента Соммы (док. 9 и 10). Из тюрьмы же Бабеф пишет сыну письмо, чрезвычайно ярко характеризующее его социальные взгляды. Бабеф доказывает, что Французская революция только тогда может считаться завершенной, когда в стране будет установлена система «совершенного равенства» (№ 11).

Последние из публикуемых писем — от 26 сентября и 2 октября 1796 г. (док. 12 и 13) — относятся ко времени пребывания Бабефа в Вандомской тюрьме накануне и во время судебного процесса по обвинению его как руководителя так называемого «заговора во имя равенства». Они показывают, с какой энергией вел Бабеф защиту обвиняемых по процессу, поддерживая связь с Парижем, организуя печатание там протестов заключенных и т. д. Письма из Вандомской тюрьмы, написанные незадолго до казни (Бабеф был гильотинирован 27 мая 1797 г.), характеризуют Бабефа не только как мужественного борца, но и как любящего отца, даже в этих условиях проявляющего заботу о воспитании сына.

Письма публикуются впервые, за исключением док. № 1 и 2, напечатанных в книге V. A d v i e l l e. Histoire de Gracchus Babeuf et du babouvisme. Paris, 1884, и док. № 8, приведенного в книге M. D o m m a n g e t. Pages choisies de Babeuf. Paris, 1935.

Все письма, за исключением док. № 1, публикуются по подлинникам на французском языке, хранящимся в ЦПА ИМЛ в фонде Г. Бабефа (ф. 223).

Публикация подготовлена А. М. Бобковым, В. М. Далиным и Н. И. Непомнящей.

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

№ 1

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

Париж, четверг 25 июля 1789 г.

Не знаю, с чего начать письмо, моя бедная женушка; находясь здесь, невозможно сохранить ясность мыслей: так сильно душевное волнение. Вокруг все рунится и в состоянии такого брожения, что хоть и являешься свидетелем происходящего, не веришь своим глазам. Короче говоря, могу только в общих чертах описать тебе то, что я видел и слышал. Когда я приехал, предметом всех разговоров служил заговор, во главе которого стояли граф д'Артуа¹ и другие принцы. Они намеревались ни более, ни менее, как истребить часть парижан и низвести все остальное население Франции на положение рабов, ибо оно могло избежать побоища, только смиренно отдавшись на милость дворянству и безропотно протянув руки для приготовленных тиранами оков. Если бы Париж не раскрыл вовремя этого чудовищного заговора, все погубило бы; свершилось бы ужасающее, неслыханное доньше преступление. Понятно поэтому, что все помыслы были направлены на сокрушительную месть за это беспримерное в истории коварство: в конце концов на это решились и не будут пощажены ни главные участники заговора, ни их пособники. Казни уже начались, но они еще не утолили слишком справедливой жажды мести. Ярость народа не укротили ни смерть коменданта Бастилии и разрушение этой адской тюрьмы, ни смерть купеческого старшины, ни мольбы о прощении, с которыми Людовик XVI обратился к своим подданным, ни возвращение к власти Неккера² и других прежних министров, ни роспуск новых полков и отрядов, — ему нужны новые искупительные жертвы. Как говорят, он хочет, чтоб поплатилось головой еще около тридцати преступников. Господин Фулон³, который должен был сменить Неккера, четыре дня назад распространил слухи о своей смерти и распорядился похоронить вместо себя полено, — этот г-н Фулон был вчера арестован, отведен в Ратушу и повешен у выхода из нее. Его тело сперва волокли по улицам Парижа, затем разорвали на части, а голову, надетую на пику, пронесли в Сен-Мартенское предместье, в ожидании зятя г-на Фулона — г-на Бертье де Совиньи⁴, парижского интенданта, которого вели из Комьпена, где он был арестован. Сегодня его ожидает участь тестя. Я видел, как пронесли эту голову, а сзади шел зять под конвоем тысячной вооруженной толпы. Он проделал таким образом, на виду у публики, весь долгий путь по предместью и по улице Сен-Мартен посреди двухсоттысячной толпы зрителей, которые глумились над ним и ликовали вместе с отрядами вооруженной охраны, воодушевляемыми непрерывным боем барабанов. О, какую боль причиняло мне это веселье! В одно и то же время я был рад и удручен. Я говорил себе: тем лучше и тем хуже. Я понимаю, что народ хочет сам чинить правосудие, я одобряю такое правосудие, когда

оно ограничивается уничтожением виновных, но разве оно обязательно должно быть таким жестоким? Всевозможные казни, четвертование, пытка, колесование, костры, кнут, виселицы, палачи — все это так развратило наши нравы! Наши повелители вместо того, чтобы цивилизовать нас, превратили нас в варваров, потому что сами они таковы. Они пожинают и будут пожинать то, что посеяли, потому что все это, моя бедная женушка, возьмает, кажется, страшные последствия: это еще только начало.

Можешь прочитать это другим; теперь нация свободна, и всякий волен писать, что хочет.

Я еще ничего не сказал тебе о моих делах. Приехав, я отправился к господину Мори⁵; он отложил наш разговор до понедельника. Затем я побывал у другого, он оставил меня обедать и ссылался на всевозможные трудности в связи с его делом. В конце концов мне пришлось согласиться на оплату прав, как нотариусу, без предварительных условий, и я был счастлив, что вытянул из него 42 франка, из которых посылаю тебе 30. Единственно, что я могу тебе сообщить утешительного с его слов, — это твердое обещание, что мне будет поручено составление двух крупных кадастров. Господин Мори тоже заверил, что за мной обеспечен кадастр для Сен-Кантенского аббатства в Бове, и добавил, что если мной останутся довольны, то он мне доставит работы сколько угодно. Но я очень боюсь, что скоро полетят к черту все кадастры и множество других вещей, от которых давно пора избавиться, хотя я от этого и пострадаю. Все то, что я здесь слышу, дает мне основание так думать. Люди во всеуслышание требуют упразднения дворянства, сеньориальных грамот, замков, высшего духовенства и т. д. Они сто раз правы, и я от всей души одобряю эти перемены; я даже готов помочь тому, кто собирается опрскинуть мой печной горшок; пусть эгоисты называют меня безумцем — все равно.

Я работаю над кадастром вместе с господином Одиффре⁶, который, кажется, глубоко уверен, что опубликование этого труда принесет нам большие выгоды. В следующем письме сообщу об этом подробнее. Напишу тебе, как только приду к какому-нибудь соглашению с господином Мори.

Оставь себе эти десять экю и не плати никому ни одного гроша — понимаешь? Обнимаю тебя от всего сердца.

Бабёф

№ 2

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

Париж, 16 августа 1789 г.

Я в отчаянии, мой добрый друг, от того, в какой нужде я тебя оставляю. Нам с тобой приходится переживать тяжелое время, но не моя вина, если мне не удалось этого избежать. Я глубоко тронут теми усилиями, которые ты прилагаешь, чтобы помочь мне. Возвращаю тебе полученные мной сегодня твои шесть франков; если уж кому-либо из нас суждено страдать, пусть я буду первым. Однако уже завтра надеюсь кое-что для тебя достать. Я рассчитываю на десяток экю от продажи маленькой брошюрки в четыре страницы⁷, вчера ее напечатали и сегодня будут продавать. Возвратиться я еще не могу, потому что наш кадастр еще не закончен. Вдобавок не думаю, что трачу здесь время зря: взвесив все обстоятельства, я пришел к выводу, что на профессию февдиста* больше рассчитывать нечего, а жить надо, и я все время пытаюсь найти другой выход. Мне уже почти что обеспечена работа на восемьсот франков, которая отнимет у меня не больше двух дней в неделю и не помешает заниматься чем-либо иным. Тогда я останусь в Париже. Храни это в тайне. Но я соглашусь на это только в том случае, если не представится возможности работать в архивах, чего я не думаю, так как архивы будут продолжать существовать, несмотря на упразднение фьефов**. Впрочем, как я тебе уже говорил, мое новое занятие не помешает мне работать даже в архивах. Собираюсь написать Вассу⁸, чтобы он на некоторое время уехал к себе домой, а когда я вернусь, поручу ему закончить начатое мною; я обещаю иметь его в виду и найти ему место, если после того, как мы все закончим, работы по фьефам больше не будет. Ты, конечно, не сомневаешься, что я говорю все это совершенно искренне. Ты знаешь, как тепло я отношусь к тем, к кому привязан. Заверь его еще раз в этом. Я твердо рассчитываю устроить его и моего брата⁹ с помощью г-на Одиффре в книжной лавке, для молодых людей это хорошая специальность, в которой можно пробыть себе дорогу. Зайду к г-ну Мори, чтобы он мне заплатил, хотя бы за расходы по составлению для него бумаг, и ты понимаешь, что, если только получу деньги, сейчас же вышлю их тебе.

* лицо, занимавшееся составлением и ведением сеньориальных описей и архивов.

** *fief* — во Франции то же, что феодал или лен.

Хорошенько подумав, я решил не писать Вассу. Попробуем подождать до моего возвращения. Затем, надо закончить наши работы. Скажи брату, чтобы он прислал вместе с твоим ответом подробное описание сделанного им со времени моего отъезда. Пусть продолжает работать так, как будто с феодализмом ничего не случилось. Поскольку сеньориальные повинности могут подлежать выкупу, мне кажется, что найдутся люди, которые долго еще будут их оплачивать: по крайней мере до тех пор, пока они их не выкупят. Кроме того, сейчас важнее, чем когда бы то ни было, разобраться в том, от кого зависят держания (*mouvances*) и каков должен быть размер выкупа.

Если я ничего не выручу от продажи моей брошюры, два экземпляра которой я вам посылаю, и если г-н Мори ничего мне не заплатит, рискну попросить немного взаймы у г-на Одиффре и пришлю тебе эти деньги, чтобы ты могла продержаться до моего возвращения. Мне нужно обязательно свидеться с тобой в конце недели, хотя я вынужден буду сейчас же вернуться обратно для наблюдения за печатанием моего кадастра¹⁰. Эта несчастная книга — причина ваших мучений, вызванных моим длительным отсутствием, — если б только она вознаградила нас за эти страдания и они оказались бы непродолжительными. Работа над ней завела меня дальше, чем я предполагал, и получится довольно толстый том. Раз я за нее взялся, не могу ее бросить: это значило бы добровольно лишиться плодов всего, что было сделано.

Как жажду я увидеть моих бедных детей, нет слов, чтобы выразить мои чувства, я до того проникнут ими, что не в силах об этом писать! Я так много думаю об этом, что уста мои молчат. Достаточно сказать, что эти мысли не покидают меня весь день, что они не дают мне спокойно спать ночью и нет ничего на свете, что могло бы вызвать у меня улыбку. Повторяю, я вынужден, несмотря на все эти переживания, оставаться здесь; это раздирает мое сердце, бедный мой друг; прощай до той минуты, когда мы вновь увидимся. Постараюсь, чтобы это случилось в воскресенье, не вижу возможности приехать раньше. Бери пример с меня, не теряй мужества. Уверяю тебя: пока я буду держаться на ногах, это мужество не покинет меня до последнего вздоха. Оно мне нужно не ради себя, а для того, что привязывает меня к жизни, и я пойду на все, чтобы возможно лучше выполнить тот мой долг по отношению к окружающим, к которому обязывает меня мое положение.

Моя брошюра озаглавлена так: «Новое определение сословий г-ном де Мирабо». Попроси прочесть тебе и остальные брошюры, они очень интересны. Шесть франков вложены в перчатки.

№ 3

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

[Нуайон], 12 августа 1790 г.

Пишу тебе, мой дорогой друг, из того места, куда, как мы условились, я должен был отправиться. Тотчас после моего приезда мне вручили для пересылки тебе брошюру, чтобы сообщить о ней в газетах Марата, Прюдомма и Камилла Демулена¹¹. Как только получишь пакеты, разнеси их по адресам.

Расставшись с тобой в субботу вечером, я, пройдя три или четыре лье и не чувствуя никакой усталости, решил не останавливаться на отдых, а прошагал всю ночь напролет и очутился на рассвете в Пон-Сен-Максансе; там я встретил повозку, которая прихватила меня и довезла потихоньку в Руа; я явился туда к вечеру, и меня там так чествовали, что я только сегодня попал в известное тебе место. Вчера получил твое письмо с вложенными в него двумя другими. Мне сказали, что ты должна была получить довольно большой пакет с разными изданиями. Тебе должен был занести их человек, которому это было специально поручено. Просили сообщить тебе, чтобы ты передала их господину Рютледжу¹², а он уж их распределит по своему усмотрению. Скажи ему, что эти брошюры тебе прислал Девен¹³.

Мне было бы очень приятно, если бы ты вернула мне написанное от руки письмо, которое было приложено к этим брошюрам. Адресуй твой ответ следующим образом: Господину Девену, типографу, для передачи господину Бабефу, в Нуайоне.

Сейчас еще не могу ничего к этому добавить, напишу завтра более подробно.

Прощай, сообщщи, как вы поживаете, ты и наш дорогой Робер, и в каком положении наше дело.

Бабеф

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

Нуайон, 20 августа 1790 г.

Вот письмо, мой дорогой друг, которое застанет тебя в большой тоске, и в этом глубоко уверен, и ты себе представить не можешь, как это меня огорчает. Конечно, ты думаешь, что я невнимателен к тебе, но, познакомившись с причинами, помешавшими мне написать раньше, ты увидишь, что совершенно неправа. Когда я писал тебе, находясь у господина Галопа¹⁴, я просил адресовать письма господину Девену, так как рассчитывал прожить у него несколько дней чтобы наблюдать за печатанием моего Проспекта¹⁵. Я действительно вернулся ночевать в Нуайон в пятницу вечером, но господин Девен должен был в субботу утром уехать в Париж, куда он собирался понасть в тот же день вечером, остаться там на воскресенье, выехать в понедельник утром и вернуться в Нуайон в понедельник вечером. За это время он должен был также улучить минутку, чтобы повидать тебя. Хотя он мне это и обещал, но не сдержал слова и к тебе не зашел; в остальном он управлялся с делами так скоро, как надеялся. Я не мог поверить, что он так быстро справится; я вернулся в Руа в субботу, и, хотя Девен говорил мне, что я могу приехать в Нуайон во вторник утром для печатания Проспекта, я вообразил, что он еще не вернется к этому времени, и явился к нему лишь в среду вечером. Кроме того, я хотел остаться во вторник в Руа, как как надеялся получить там ответ на второе письмо, которое я послал тебе в субботу утром перед отъездом из Нуайона; но не получил ничего, кроме твоего ответа на мое письмо, написанное у Галопа. Этот ответ ждал меня в Нуайоне, куда я приехал позавчера, в среду. Не мог написать тебе вчера, в четверг, по причинам, подробное изложение которых заняло бы еще страничку; главным образом потому, что надо было наблюдать за печатанием Проспекта. Пишу тебе сегодня, и ты увидишь, что я вовсе не был невнимателен, как ты могла предположить. Я решил объяснить тебе все, чтобы ты хоть немного пришла в себя после беспокойства, которое ты, несомненно, испытывала.

Меня несколько не удивляет сказанное тобой о господине Барвиле¹⁶. Эти люди хотели, видно, только получить от меня то, что им было нужно, и заплатить за это дымом, то есть одними обещаниями. Думаю, я правильно поступил, приехав сюда, чтобы подготовить нечто, по-моему, более надежное, и думаю, что и тебе также нет смысла трепать обувь, посещая этих почтенных господ. Ты ведь знаешь, что если бы они даже предложили мне у себя какую-нибудь должность, я не мог бы занять ее, это вовсе не по мне. Нам надо немного подождать, пока то, что я готовлю, будет налажено; но если бы я мог сообщить тебе сейчас больше подробностей, ты так же, как и я, считала бы, что я добьюсь успеха.

Наше положение отчаянное, но ведь не мы одни страдаем. Кроме нас, еще очень многие не могут добиться уплаты долгов; просто поразительно, до чего редка монета. Господин Галоп откровенно признался мне неделю назад, что у него в доме нет и шести франков. Я, кажется, писал тебе уже, что тот господин, с которым он был так дружен, больше у него не живет. Вчера я получил письмо от господина Галопа, он сообщает, что сегодня или завтра приедет в Нуайон повидать меня; надеюсь, что он выдст мне аванс. Он до некоторой степени обязался перед Девеном взять на себя предварительные расходы по изданию моей газеты. Если он даст мне денег, я, разумеется, тотчас же пошлю их тебе. Затем, чтобы получить ту сумму, которую мне должны в Сен-Кантене, мне нужно туда съездить, и я рассчитываю сделать это на будущей неделе. Согласно твоему письму я написал отсюда господину Губо¹⁷ и просил его прислать тебе двадцать четыре ливра, о которых идет речь. Завтра, когда приедет почтовая карета, я узнаю, послал ли он их тебе. Но если мне еще в течение нескольких дней не удастся раздобыть для тебя денег, тебе придется снова обратиться за помощью к нашим друзьям. Покажешь им мое письмо, и я не сомневаюсь, что они войдут в наше положение. Несчастное стечение обстоятельств! Почему все сложилось так, что я могу противостоять уже сотни раз охватывавшему меня искушению броситься в воду, только вспоминая о своих обязанностях отца и супруга! Вдобавок еще ты находишься в этой злосчастной столице, где и дня нельзя прожить без денег. Тебе не терпится покинуть ее, и я прекрасно понимаю твоё нетерпение; будь уверена, что, если бы это зависело от меня, уже через четыре дня тебя бы там не было.

Господин Галоп извещает меня, что снова написал тому человеку, который должен был передать тебе пакет, и попросил отнести его тебе. Если ты его получишь, не раздавай ничего, оставь все у себя.

Проспект будет напечатан сегодня; завтра или послезавтра я перешлю его господину Одиффре, которому пишу письмо с просьбой узнать на почте, сколько должно стоить рассылка Проспекта, а затем газеты.

Не знаю толком, куда ты должна мне писать, так как не могу рассчитать, где я буду, когда придет твой ответ. Пиши мне на адрес Девена, он перешлет твое письмо туда, где я буду находиться.

Как поживает мой бедный малыш? И ты сама?

Ты хочешь, чтобы я описал тебе мой приезд в Руа. Я сообщал уже тебе, что приехал в Пон-Сен-Максанс в воскресенье в шесть с половиной часов утра. Остановился, чтобы позавтракать в маленьком кафе против дома брата Добе из Руа, и сообщил там, кто я. Это привлекло порядочно народу, и все наперебой старались превзойти друг друга в поздравлениях. Мне жали руки, меня обнимали; здесь уже видели номера газеты Марата¹⁸ с сообщением о моем деле, спрашивали, нет ли у меня еще этих номеров, и я раздал несколько экземпляров. Их жадно читали, вырывали друг у друга из рук; меня упрекали, почему я не кричал «Юо мне, нация!», когда проезжал по улицам со своими стражами, одетыми в форменную одежду. Короче говоря, завтрак прошел очень весело, и все дружно воспротивились тому, чтобы я платил. За завтраком присутствовал один торговец табаком из Эра в Артуа; он возвращался к себе на родину и оставил свою повозку у господина Добе во дворе «Большого Оленя». Он предложил мне воспользоваться ею вместе с ним, я согласился; он вез меня всю дорогу, не желая и слышать о том, чтобы я внес хотя бы грош на расходы. Везде он угощал меня самым лучшим вином и самыми вкусными блюдами. Повсюду, где мы останавливались, он торопился сообщить, кто я, что со мной случилось и как я себя вел. Тогда мне приходилось выдерживать столько объятий, сколько было слушателей у гражданина из Эра. Когда мы прибыли в Тиллолуа, меня узнали; я вынужден был выйти из повозки и зайти к господину Леконту, шорнику и трактирщику. Добрая часть деревни собралась поглазеть на меня, как на диковинку. Объятия, приветствия, поздравления, высказанные со всем деревенским чистосердечием, — таковы были первые проявления радости, которую испытывали при виде меня честные крестьяне, теснившиеся вокруг меня. Но вскоре этого им показалось мало, они захотели придать еще больше веселья неожиданной встрече с тем, чья судьба, по их словам, внушала им сильнейшее беспокойство. Немедленно была собрана кое-какая закуска, появились вино, несколько пирожков, салат, орехи, и человек пятнадцать славных парней расселись вокруг стола. Они были в таком восхищении, что потребовали, чтобы ел только тот, кого им угодно было назвать героем торжества. Он выразил им свое глубокое удовлетворение неприятельской простотой этого скромного угощения и чувствами, проявленными устроителями этого неожиданного праздника. Лица всех присутствующих выражали сердечность, откровенность, веселость. Не было и следа натянутости; вместо нее царил непринужденность. Это был, несмотря на скромность блюд, настоящий пир свободных и равных людей. Мы пили за эту свободу и это равенство, которыми — что бы там ни говорили и ни делали — пикардийцы хотели бы наслаждаться всегда. Они затянули также песню «Vive Henri quatre», стараясь приложить ее ко мне, что, конечно, было слишком лестно для меня; к этому добавили несколько вольных выражений по адресу всех аристократов вообще и в особенности против тех, кого считают зачинщиками гонений, которым я подвергался. Это приятное времяпрепровождение продолжалось до вечера и длилось бы еще дольше, если бы я не настоял на том, чтобы разойтись. Меня проводили при непрекращающемся всеобщем ликовании до Малого Локруа. Здесь нам предстояло расстаться, но из десяти человек, составлявших мой кортеж, двое обязательно хотели следовать за мной до Руа. Мы явились туда без шума, под покровом ночной темноты; кроме того, когда мы проходили через предместье, я просил двух сопровождавших меня лиц держаться возможно спокойней. Мы остановились в харчевне Сен-Мартен, куда еще раньше прибыл господин из Эра, покинувший меня в Тиллолуа. Я просил его известить о моем приезде только хозяйку дома, что он и сделал, и мне в ожидании моего прибытия приготовили прекрасный ужин. В квартале как будто никто ничего не знал, но не успел я войти в дом, как он сразу наполнился народом и за столом собралось около двадцати человек. Понадобились бы еще две страницы, чтобы рассказать подробно о радости, царившей за этим ужином. Если я не буду краток, то никогда не кончу. Ограничусь поэтому сообщением, что я не мог принять и половины приглашений на обеды и ужины и что мне до сих пор еще ни разу не понадобилось зайти в булочную или готовить дома. Когда я прохожу по улицам, иногда кричат: «Да здравствует нация!»; кое-кто взбешен, но большинство на моей стороне. Люди особенно недовольны тем, что я уклонился от почестей, которые были уготовлены для моей встречи. В день моего приезда был избран новый мэр города; если бы жители Руа знали заранее о моем возвращении, я был бы избран, независимо от моего желания; избрали Лонгекана¹⁹. Все очень довольны, что я намереваюсь издавать «Journal de Picardie», и в нашей округе у меня не будет недостатка в подписчиках. На следующий же день после моего приезда ко мне прибежало много крестьян с просьбами о советах, составлении жалоб, но подготовка к изданию газеты не дала мне возможности удовлетворить их просьбы. Я сообщил им, что часть моей газеты будет посвящена ответам на запросы относительно наших новых законов, они были чрезвычайно довольны этим. Полагаю, что эта моя идея обеспечит успех предприятия, потому что граждане смогут получать все нужные им сведения, не выходя из дому.

Кавалеристы полка Берри растеряны и смущены донельзя. Наши национальные гвардейцы, подозревавшие в связях со мной, не знают, как себя держать при встрече. Они притворно говорят мне любезности, чтобы внушить мне, будто всегда были моими верными товарищами.

Не знаю, как мне поступить с господином Галопом. Он собирается снабжать меня материалом, который может заполнить половину моей газеты, но не думаю, чтобы его материал подошел бы для меня.

Не затеряй это письмо, ты мне его вернешь при встрече, и верь, что, когда бы она ни произошла, для меня это все-таки не будет достаточно скоро.

Твой друг *Бабеф*

Поцелуй от меня беденького малыша. Засвидетельствуй мое почтение всем нашим друзьям.

[Адрес]: г-же Бабеф, отель Короны, ул. Кенканпуа, в Париже *

№ 5

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

[Париж, 25 февраля 1793 г.]

Мое пребывание здесь²⁰ затягивается, дорогая жена, по той причине, что министр пожелал переслать первый представленный мной мемуар в департамент [Соммы], дабы директория департамента сделала свои замечания. Я представил второй мемуар; участь его, вероятно, будет такой же. Возможно, поэтому, решения придется ждать еще долго. Не нужно больше скрывать от себя, дорогой друг: в этом злосчастном краю слишком многие поклялись погубить нас. Дети и обязанность воспитывать их — вот что вынуждает меня прекратить борьбу против беспрестанных преследований, которым я столь долго подвергаюсь. Если даже моя невиновность станет очевидной для всех и я вызволю свою честь из лабиринта клеветы, в который ее бросили, — все равно и тогда благоразумней будет не проявлять упорства пред лицом моих врагов. Поэтому, если отстранение от должности будет отменено²¹, я все-таки подам в отставку. Надо мной будут насмехаться мои недоброжелатели — пусть! Презренные! Они обвиняют меня — меня, всегда питавшего такое отвращение к интриге и низостям, — они обвиняют меня, что я изменил своему долгу из-за денег. Пусть полюбуются на дело рук своих: мои дети плачут, потому что у них нет хлеба. О мой дорогой друг, постарайся спасти их от смерти еще несколько дней! Гражданин Фурнье²² достал мне небольшую работу, завтра я должен получить немного денег, и я вам их пришлю. Жду также исхода дела гражданина Фурнье. Я составлял его петицию и огласил ее у решетки Конвента в воскресенье на прошлой неделе. Она была направлена в Военный комитет для срочного доклада. Этот доклад должен быть готов завтра или послезавтра. Ах, если бы дело кончилось успешно, я получил бы тогда прекрасное место, и мои дети вновь вздохнули бы свободно!

Поцелуй крепко их всех; несчастный отец всей душой стремится вознаградить их и тебя за муки, которые вы терпите из-за него.

Г. Бабеф

№ 6

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

17 апреля, 2-й год Республики, Париж
[17 апреля 1793 г.]

Не писал тебе, моя дорогая, со времени твоего последнего письма из Мондидье, так как ты мне сообщила, что немедленно уезжаешь в Анжест и Амьен, и я не знал, куда адресовать письмо. Получил написанное тобой после возвращения. Но теперь я не живу больше в гостинице «Фландрия». Полковник Батавского легиона²³ обещал мне место секретаря своего корпуса, а до его создания поселил меня в отеле Кассина, на улице Вавилон, и выплачивает мне двадцать пять су в день. Живу на эти деньги уже пять или шесть дней. Но я все же не думаю, что это может устроить нас. С одной стороны, корпус, по-видимому, будет создан не скоро. Затем, едва ли полковник назначит мне жалованье, достаточное для прокормления семьи, и вдобавок не думаю также, что представятся подходящие условия, чтобы возить вас всех вслед за легионом. По всем этим причинам я предпочитаю поискать какую-нибудь другую работу. И так как я не могу водить за нос батавского полковника, мне нужно будет заявить

* Адрес Ж.-Н. Одиффре, у которого семья Бабефа проживала во время его ареста.

ему, что мы с ним не сталкиваемся и я покидаю гостиницу Кассини; поэтому не пиши мне больше сюда, а пиши на адрес Фурнье на мое имя.

Говорили также с назначении Фурнье в армию, и мне казалось уже, что все устроено; он еще надеется; с ним мне будет легче всего створиться. Этот Фурнье все время находит для меня работу и в таком количестве, что я не имею возможности предпринять нужные шаги для устройства моих собственных дел, то есть для подыскания должности. Батавский полковник тоже давал мне работу; не будь этого, мне, возможно, удалось бы уже обеспечить себе место. Но пока что надо постараться как-то жить. Приюдом смог бы занять меня в своей типографии, если бы дело не пошло на убыль. Но он подал мне кое-какие надежды относительно получения работы в других типографиях; может быть, что-нибудь из этого и выйдет; через несколько дней буду знать точно. Я приложу все усилия, чтобы любой ценой найти место. В Париже есть много возможностей, надо только их знать. Начинаю заводит знакомства; всюду мне обещают содействие, пока ничего еще нет, но нужен только счастливый случай. Мне очень хотелось бы остаться в Париже для моего великого дела; я здесь не единственный, кто об этом думает. Ты знаешь, что я хочу сказать. Здесь все накалено до крайности. Санкюлоты хотят стать счастливыми, и я не вижу ничего невозможного в том, что не пройдет и года и нам, если мы будем правильно проводить свои меры и действовать со всем необходимым благоразумием, удастся обеспечить всеобщее благосостояние на земле.

Чувствую себя неплохо; я до такой степени предавался тоске, что исчерпал все имевшиеся у меня ее запасы и стал бесчувственным. Однако не могу не думать постоянно о судьбе моей жены, моих бедных детей. И все же успокаиваю себя, говоря: по крайней мере, я жив и надеюсь, что вознагражу их когда-нибудь за все страдания, которые они переносят со мной; я надеюсь, что они увидят во мне отца, которого будет благословлять вся вселенная и которого все народы, все века будут считать спасителем человеческого рода.

Мое дело перестало меня беспокоить с тех пор, как ты меня известила, что Реневаля и кюре были оправданы²⁴. Таким образом, и с меня косвенно снимается обвинение, ибо, если признано, что эти люди не давали взяток, то надо также признать, что и я не был подкуплен.

Ты пишешь, что тебе удалось получить лишь очень немного. Ну, хорошо, я устроюсь как смогу, не посылай мне ничего, оставь то, что у тебя есть, для твоих бедных детей; какая для меня пытка эта разлука с ними вот уже второй месяц и невозможность чем-нибудь помочь им.

Ответь мне сейчас же и сообщи обо всем, как ты обещала. Жду твоего письма в понедельник или во вторник. Напиши мне, как твои дела и на что, по-твоему, мы должны решиться. Что касается меня, то я считаю, что мы должны устроить твой переезд с детьми в Париж. Здесь мы всегда найдем какие-нибудь средства к существованию и, по крайней мере, будем вместе, и ты будешь мне полезна в поисках того, что нам необходимо. Не станем терять времени, условимся письменно о том, как поступить. Как только мы договоримся, я постараюсь снять комнату в каком-нибудь квартале, где чистый воздух, и поеду тебе навстречу.

Здравствуйте, мой сердечный друг Робер, моя Софи, мой Камилл, осыпаю вас поцелуями.

[Адрес]: Гражданке Бабеф, предместье Сен-Жиль в Руа.

№ 7

ГРАЖДАНКЕ БАБЕФ — ЖЕНЕ

[Бланк]: Парижский муниципалитет. Отдел продовольствия и снабжения. Секция зерна и муки. — Парижская Коммуна. Свобода 14 июля 1789 г. Равенство 10 августа 1792 г.

Париж, 27 мая, 2-й год Французской
республики

[27 мая 1793 г.]

Мое столь продолжительное молчание, дорогая моя, конечно, обеспокоило тебя. Откровенно говоря, не знаю, как оправдаться перед тобой. Главная причина, почему я так медлил с письмом, состояла в том, что я не знал, на что решиться и какой дать совет, чтобы ты могла присоединиться ко мне. Это затруднение все еще не исчезло, и сегодня я тоже не могу указать выхода из положения, который удовлетворил бы нас обоих. Но пора мне, наконец, написать письмо, чтобы утешить тебя, посоветовать запастись терпением и обсудить вместе, какие шаги нам предпринять.

Начну с того, что те сто су, которые ты прислала мне в последний раз, пришлось как нельзя более кстати. Трудно описать, в каком состоянии я находился в тот день.

Пора уж было судьбе прийти мне на помощь. Она это сделала. За минуту до прибытия твоего письма я получил еще 15 франков от одного мошенника, который должен был дать мне пятьдесят за выполненную для него работу²⁵. Взамен он отделался этой ерундой. Я был этим страшно огорчен, так как предвкушал, какой это будет для меня праздник, когда пошло тебе половину этой суммы, на которую я твердо рассчитывал. Но вместо того, чтобы насладиться этим великим удовольствием, я оказался вынужденным принять твою помощь, мой друг, бесценный для меня дар, поскольку он является плодом труда и мучительного бдения наидостойнейшей из всех женщин. С этой сотней су и пятнадцатью франками, о которых я сейчас говорил, я почувствовал себя богачом и устроился так, чтобы прожить на них или, по крайней мере, не умереть до конца месяца. Этот конец [месяца] наступит в пятницу. Надеюсь получить тогда жалованье и послать тебе из него возможно больше.

Ты хочешь знать, как оплачивается моя должность²⁶. Сперва меня зачислили на место с окладом в полторы тысячи ливров. Через неделю перевели на другую должность на две тысячи франков. Так что в конце месяца я получу около 166 ливров.

Если я захочу, то могу этим не ограничиваться. Мои здешние друзья самые видные люди в Париже: Шометт, прокурор коммуны; Паш, мэ; Гарен²⁷, служащий муниципалитета и главный администратор продовольствия; Робеспьер, Сильвен Марешаль, редактор «Révolutions de Paris», и многие другие. Все эти люди оказывают мне самый лучший прием, несмотря на мой убогий наряд. Когда я прихожу к ним, меня ожидает хороший обед, и после этого в течение нескольких дней мне достаточно одного хлеба. Этот переход от одной крайности к другой не производит на меня никакого впечатления; ты, конечно, легко этому поверишь, так как знаешь, что я привык переходить от хорошего к плохому с полнейшим равнодушием.

Я приобретаю здесь уже больше известности, чем мне хотелось бы. Меня ищут постоянно, когда речь идет о важных мерах. Я нахожусь в той части администрации, где мое влияние дает мне большую возможность будоражить всю республику, чем я мог это делать в департаменте Соммы и дистрикте Мондидье, когда был администратором. Весь Париж, моя милая, хочет уже знать твоего мужа и пользоваться им, и предупредительность, которой я окружен, заставляет меня думать, что я, возможно, вынужден буду стать и здесь влиятельным лицом. Не дай только бог, чтобы орда врагов вновь явилась отравлять мне жизнь, когда я буду стремиться делать добро.

Служба моя не отнимает всего моего времени. Хотят, чтобы я употреблял свободные минуты на работу для «Революций» [«Révolutions de Paris»] Приюдомма. Я не склонен слишком решительно отвергать это предложение.

Что мне сказать еще тебе, моя страдалница? Сейчас передо мной открывается как будто бы довольно блестящее будущее, но при всем этом мне недостает одного — большого удовольствия быть здесь вместе с тобой и детьми.

Как поступить? Ты хотела бы уехать после того, как с нами рассчитаются те, кто нам должен, и в особенности приор Сент-Орена²⁸. Мне бы тоже этого хотелось; но предположим даже, что тебе это удастся, вряд ли ты от этого выиграешь. Твои кредиторы обязательно накинутся на тебя. Они отберут все, а тебе не оставят ничего.

Тем не менее посылаю тебе доверенность, которая нужна для этой цели. Я получу деньги в пятницу и немедленно вышлю их; они, безусловно, будут доставлены тебе в воскресенье. Если хочешь, попроси в начале будущей недели, чтобы дали ответ на твоё прошение и чтобы моим третейским судьей назначили Граве, нотариуса в Равенеле. Повидай Делапорта, секретаря суда, и попроси его написать от твоего имени письмо к Граве с просьбой немедленно явиться для оценки выполненной мной работы; постарайся, чтоб с этим делом было покончено. Впрочем, я напишу Граве и Делапорту сам и предупрежу их, что ты обратишься к ним; уверен, что для нас они пойдут на все.

Что касается остальных документов, то ничего больше не остается, как послать их мне в Париж; я их рассортирую, и ты или я, когда ты будешь здесь, совершим поездку или я напишу тем, кому они принадлежат, и вступлю в переговоры о том, сколько они должны мне заплатить, чтобы получить документы обратно. Ничего не предпринимай до того, как напишу тебе и пришлю деньги. Затем мы подумаем, каким способом доставить в Париж вещи, которые можно перевезти, и каким образом тебе самой добраться сюда. До сих пор я не просил тебя выслать мне что-либо, так как у меня не было денег на оплату почтовых расходов. Я снимаю комнатку на седьмом этаже за десять франков в месяц и добился разрешения не вносить плату за две недели вперед. Белье отдаю в стирку в кредит и в кредит же приобрел пару башмаков. Не могу обойтись без покупки панталон и жилета: мне просто нечего надевать; не знаю, как быть. Надо также иметь что-нибудь, чтобы прожить в будущем месяце. Но я куплю только самую необходимую и самую дешевую одежду. Постараюсь постоянно высылать тебе половину того, что буду получать. Поцелуй от меня моих детей. Прощай, у меня не было времени написать доверенность, я сделаю это сегодня вечером и пришлю с первым же письмом в пятницу. До того времени она тебе не понадобится. Я решил не откладывать отправки письма, чтобы положить поскорее конец твоим волнениям.

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

[Бланк]: Парижский муниципалитет. Отдел продовольствия и снабжения. Секция зерна и муки. — Парижская Коммуна. Свобода 14 июля 1789 г. Равенство 10 августа 1792 г.

Париж, 2 июня, 2-й год Французской республики
[2 июня 1793 г.]

Получил вчера твое письмо: оно, наверное, разминулось с моим. Но пишу снова, чтобы успокоить твое нетерпение, которое ясно себе представляю. Париж снова охвачен революцией²⁹, но за меня не бойся; санкюлоты всегда имеют перевес, и мы надеемся сделать на этот раз еще один большой шаг, чтобы достичь главной цели — святого равенства. Однако эта революция является причиной того, что мы не получили жалованья в пятницу, как я тебе сообщал. Мне выдадут его только послезавтра, во вторник. Тотчас же напишу тебе и пошлю все, что обещал. Я не хотел откладывать дальше, чтоб не причинять тебе слишком много беспокойства. Наберемся терпения, конец наших злоключений близок; по крайней мере, я на это надеюсь. У меня тоже — как ты легко можешь себе представить — настроение весьма плохое. Но утешаюсь тем, что скоро, по-моему, достигну цели.

Напиши мне, одобряешь ли ты план, который я тебе сообщил, а именно, чтобы ты немедленно приехала в Париж вместе с детьми. Я предвижу, что тебе придется еще бесконечно долго ждать, пока не будет оплачена работа для приора Сент-Орена. Пока ты находишься там, а я здесь, мы всегда будем несчастливы, несмотря на мои *сто шестьдесят шесть ливров в месяц*. Могу тебя уверить, что у меня нет ни малейшего желания продолжать жить в одиночестве. Вполне вероятно, что, потратив много времени на ожидание, ты все же не добьешься уплаты за работу для Сент-Орена или, если это тебе удастся, тысяча кредиторов накинутся на тебя, и ты снова останешься ни с чем. Приезжай сюда, мы уже слишком долго в разлуке. Скоро сентябрь, и я думаю о том, что в сентябре исполнится ровно год, как мы почти не бываем вместе. Побудь некоторое время здесь, а потом ты можешь отправиться в поездку, чтобы потребовать все, что нам должны; и, может быть, здесь, в национальном казначействе, мне скорее удастся добиться уплаты за работу для Сент-Орена, чем где-либо в другом месте.

Напиши мне, что ты думаешь об этом проекте. Если ты его одобряешь, я тотчас же напишу гражданке Демажо. Ты оставишь ей в залог за квартирную плату всю нашу более громоздкую мебель, и мы постелемнo будем выкупать ее; часть твоих вещей, которые легче перевезти, ты пришлешь мне через Аданга (Hadeng), а остальные возьмешь с собой. Если ты согласна на все это, то я немедленно по получении твоего ответа сниму квартиру и попрошу тебя произвести оценку крупной мебели и стовориться с гражданкой Демажо.

Послезавтра, как только получу деньги, обязательно напишу тебе, и в четверг ты, безусловно, получишь мое письмо и ассигнации.

Как жажду я вновь увидеть вас всех, дети мои. Пока что целую вас. Вы сами догадаетесь, с какой нежностью и с каким чувством.

Г. Бабef

Стало быть, мой малютка Камилл³⁰ болен. Боже правый! Это наверное в результате перенесенных страданий. Какая пытка для меня эта невозможность оказать хоть маленькую помощь моим детям, чахнувшим от нужды. Постарайся, по крайней мере, чтобы они не умерли до получения моей помощи.

Какой для меня будет праздник, когда я смогу вознаградить их за все испытанные ими мучения. Сохрани мне Камилла!

N. B. Мне чрезвычайно нравится моя должность, и возможно, что жалованье мое будет вскоре повышено до двухсот пятидесяти или трехсот ливров в месяц.

[Адрес]: Гражданке Бабef. В Руа.

Дистрикт Мондидье.— Департамент Соммы

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

24 брюмера, 2-й год Французской республики, единой и неделимой
[Париж, 14 ноября 1793 г.]

Прошу тебя, мой добрый друг, прислать мне матрац и простыни, чтобы мне не было так жестко спать, как принято здесь. Обязательно зайди в продовольственную администрацию во Дворец Правосудия, вызови гражданина Шаппю и попроси его, чтобы он не забыл включить меня в список на получение жалованья за 22 дня брюмера; если для получения денег требуется моя расписка, я тебе ее пришлю.

Если тебе не удастся получить свидания со мной, то сообщи о себе в незапечатанном письме, так здесь полагается. Администраторы полиции слишком хорошие республиканцы, чтобы не принять все меры для спасения пламенных апостолов революции от злобы аристократии. Я подробно изложил им то, что уже полностью подтверждено историей, а именно, что в департаменте Соммы все время свирепствовала и продолжает свирепствовать неприкрытая контрреволюция и что в планы могущественной и обширной лиги заговорщиков в этом департаменте входило погубить кучку ревностных патриотов; что доказательством этого являются многократные преследования, которым я подвергался; что выдать меня моим давнишним врагам, скрытым мятежникам, значило бы отдать меня на расправу тем самым людям, которые на легальном основании умертвили патриотов в Лионе, Марселе, Тулоне; что я прошу их разрешения написать Дюмону³¹ в департамент Соммы, чтобы меня выслушали в Комитете общественной безопасности Конвента. Надеюсь, что сознание гражданского долга администраторов полиции не позволит им лишить меня возможности воспользоваться этим способом доказать мою невиновность, это поможет также выявить множество предателей, до сих пор еще не обнаруженных.

Графх Бабеф

[Адрес]: Гражданке Бабеф.

№ 10

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

2 фримера

[Париж, 22 ноября 1793 г.]

Я расписался сегодня в получении жалованья, можешь зайти за ним. Денег у меня все еще нет. Я живу здесь в более благоустроенном отделении, но это стоит мне слишком дорого, а ведь тебе с семьей тоже нужно жить, поэтому я вынужден был расстаться с ним. Если бы ты смогла достать мне складную кровать и одеяло, ты сберегла бы мне еще десять су в день.

После того как мы встретились у смотрителя тюрьмы, я не имею о тебе никаких сведений. Вчера я написал Тибодо³². Так как ты не очень хорошо пишешь, то я попросил, чтобы он ежедневно писал для тебя записку обо всем, что ты для меня сделала; поэтому обязательно заходи к нему для этого ежедневно в его бюро.

[В тот день, когда ты мне прислала ночной колпак и гребень, я узнал, что ты была в администрации полиции. Я немедленно послал туда в конверте, адресованном гражданину Меннесье³³, одно письмо к Шампенуа, другое Шометту и третье Тибодо. Мне известно, что эти три письма были вложены в дела Меннесье. Передал ли он их тебе? Вручила ли ты письмо Шометту?]

Посылаю сегодня Меннесье мой Мемуар. Я пишу ему, что мне необходимо поговорить с тобой относительно обращения к Дюмону с тем, чтобы он подтвердил приведенные в моем Мемуаре факты, удостоверяющие, что я патриот, которого поклялись погубить, или же договориться, чтобы ты лично поехала к Дюмону. Попроси же у Меннесье разрешения на свиданье, только будь сдержаннее; я боюсь не отказал ли он тебе в твоём ходатайстве потому, что ты, может быть, была слишком назойлива.

Успокой меня, напиши, как поживают мои дети? Тоскливо не получать известий мелких четыре дня. Здесь все получают их ежедневно. Попроси, чтобы твой ответ написал гражданин Гарен, которого я братски обнимаю. Что тебе сказал Шометт, когда ты передала ему мое письмо?

Г. Бабеф

Я вычеркнул это место из письма, так как узнал обо всем, что меня интересовало*.

[На обороте]: Гражданке Бабеф, проживающей у гр-на Гарена, служащего муниципалитета. Ворота Сент-Оноре, № 627.

№ 11

ГРАКХ БАБЕФ — СЫНУ РОБЕРУ

14 плюввоза

[Париж, 23 и 24 февраля 1794 г.]

Ты совершенно справедливо, брат мой, восхищаешься принципом, провозглашенным в Декларации Прав: не поступаай с другими так, как ты не хотел бы, чтобы поступали с тобой.

* Это место в письме взято в квадратные скобки.— Прим. ред.

Это прекраснейшее из всех правил. Если бы люди точно следовали ему, все они были бы счастливы. Каждый говорил бы: я желаю пользоваться всем, что мне необходимо, но я должен желать также, чтобы все другие люди, подобные мне, пользовались равным образом всем тем, что им необходимо; поэтому я имею право только на такую долю благ, которую можно обеспечить каждому члену общества при условии, что каждый, по мере своих способностей, станет трудиться для этого общества. Тогда можно будет сказать, что царствует равенство, что все люди стали братьями. Не будет больше черствых богачей, надругающихся над страданиями несчастных; не будет больше бедняков, нуждающихся во всем и вынужденных, чтобы владеть нищенское существование, продавать свои услуги богачам, становиться их рабами и во всем покоряться их воле. Друг мой, это столь драгоценное равенство, возвышенный принцип которого так поразили тебя, это моя нравственность, это религия твоего отца, это его конституция, его основной закон, это предмет всех его привязанностей, и он полагает, что, пока люди не примут этой системы, среди них никогда не будет ни мира, ни счастья, ни справедливости. Правда, многие, недостаточно осознавшие всю справедливость этого порядка и всю легкость его осуществления, оспаривают поэтому и то и другое; однако чрезвычайно легко убедить их в том, как слабо обоснованы их возражения, и заставить их умолкнуть. Именно это я постараюсь доказать тебе со всей очевидностью и разъяснить в то же время, что французский народ, вполне вероятно, доведет свою революцию до счастливого конца, до установления этой системы совершенного равенства, которое обеспечит всеобщее счастье, тем более восхитительное, что оно будет основано на склонностях, и только с достижением этой цели завершатся усилия республики.

Твой папа целует тебя.

Г. Бабеф

15 плювиоза, год 2^й.

Видел Камилла; он был очень рад, что повидал меня, а я был счастлив не меньше, чем он; у него хорошенький костюмчик. Я надеюсь, раз ты с каждым днем чувствуешь себя все лучше, получить через семь-восемь дней такое же удовольствие повидать и тебя.

[На обороте]: Моему товарищу.

№ 12

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

Гражданке Бабеф.

5 вандемьера 5-го года

[Вандом ³⁴, 26 сентября 1796 г.]

Получил вчера вечером, мой дорогой друг, письмо Эмиля, как раз, когда я отправлял ему то, что он требует на основании моего обещания. Сегодня вечером пошло продолжение. Пишу вам сегодня утром, только чтобы сообщить, что я здоров, и переслать вам тридцать шесть ливров. Вчера вечером я видел письмо гражданина Жюма, официального защитника гр-на Рикора ³⁵, где он заявляет, что, по его мнению, нецелесообразно предавать слишком широкой гласности, путем печатания, наш протест ³⁶, копию которого мы ему послали. Мы не только не придерживаемся этого мнения, но, наоборот, считаем, что это нужно сделать возможно быстрее. Поэтому я прошу тебя показать мое письмо гражданину Жому и гражданке Ланьело ³⁷, чтобы они убедились в необходимости не доверять это сообщение почте: помимо того, что это может отнять много времени, могут возникнуть и другие неудобства. Следовательно, нужно, чтобы кто-нибудь, не теряя ни минуты, отправился в Париж и не выходил из типографии, пока все не будет напечатано; то есть, самое главное, чтобы он наблюдал за печатанием и неотступно следил за рабочими. Если не знают, кому поручить печатание, то мы можем указать двух типографов, которые, по нашему мнению, быстро справятся с этим делом. Вот их адреса:

Первый: Камю, Университетская улица, Сен-Жерменское предместье, № 139 или 926.

Второй: Розе (Rozée), Rue de trois Cannelles, квартал Сите, № 10.

Гр-н Рикор, кроме того, напишет еще по этому поводу гражданину Жому.

Привет. Обнимаю вас.

Г. Бабеф

Я действительно посылаю вам тридцать шесть ливров.

[На обороте]: Гражданке Бабеф, с приложением 36 ливров звонкой монетой.

ГРАКХ БАБЕФ — ЖЕНЕ

11 вандемьера, 5-й год Республики
[Вандом, 2 октября 1796 г.]

Гражданке Бабёф.

Гражданин Рикор передал мне письмо, которое ему написал вчера гр-н Жом. Там сообщается, что так как парижскому типографу для печатания нашего протеста требуется значительно больше времени, чем мы предполагали, возник вопрос, настаиваем ли мы на том, чтобы его печатать; полагают, что вряд ли это принесет особенную пользу в случае, если решение по поводу протеста будет вынесено до его опубликования. Рикор ответил, что протест должен быть напечатан в любом случае и неверно, будто мы считаем бесполезным предание его гласности даже после любого постановления верховного суда. Кроме того, по моему мнению, нельзя с уверенностью утверждать, что, если даже печатание затянется, оно не сможет закончиться еще до решения верховного суда. Начало прений по этому протесту отложено с 15-го на 17-е, и судьи должны дать этому обсуждению такую огласку и уделить столько времени, как того заслуживают затрагиваемые нами в протесте важные вопросы, и мы сами должны требовать для поддержки его самого широкого обсуждения и применения всех возможных средств. Прошу тебя поэтому ознакомить с моими замечаниями гражданина Жоме, показав ему это письмо, и пусть он подумает, не стоит ли сообщить их в Париж лицам, коим поручено следить за печатанием. Кроме того, хорошо было бы обратить внимание гражданина Жоме еще на некоторые другие непоследовательности.

В качестве одного из доводов против печатания приводится, кажется, опасение, что протест, если он появится после решения суда, не разоидется в достаточном количестве и не окупит расходов. Настоятельно необходимо тотчас же написать в Париж, что такие мелкие соображения никак не должны нас останавливать. Ведь главной целью нашей работы была не продажа брошюры; мы все готовы раздавать ее даром, если это потребуется. Я, со своей стороны, могу добавить, что если затрудняются найти средства для печатания, то я их раздобуду. Я напишу в Париж одному человеку, который снабдит нас бумагой, целиком или хотя бы в большей части. И чтобы устранить все препятствия, дабы печатание шло без всяких задержек, я вторично сообщаю адрес типографа, который, я вполне уверен, очень быстро сделает то, что нам нужно: Гр-н Розе (Rozès) квартал Сите, Rue de trois Cannettes, № 10. Этот адрес — один из тех двух, которые я уже посылал. Но я сильно подозреваю, что сперва обратились по другому адресу и что именно с этой стороны возникли препятствия, о которых идет речь. Гражданин Жом должен был бы толковать этим людям, что после того, как мы приняли решение, больше не с кем советоваться; мы можем вернее, чем кто-либо иной, судить о том, что нам полезно и как нам поступать; все соображения о мнимой политической целесообразности, на которые могли бы сослаться, вызывают у нас лишь презрительное сожаление...

Последний урок Эмиля не так уж плох. Он довольно точно переписал то, что было задано. Когда перерисовываешь, нетрудно подражать тому, что видишь в подлиннике. Но я уже часто говорил Эмилю, что это не дает настоящих знаний. Принципы, принципы, вот что надо главным образом усвоить. Жду его ответа на мое вчерашнее письмо, чтобы вновь направить его на правильный путь. Твои слова вновь внушают мне надежду, что он исправится. Пусть только он не забывает, что недостаточно быть чувствительным, плакать и хорошо себя вести в течение одного дня, но что надо принять твердое решение и на долгий срок. Передай ему, что я его целую и желаю всего хорошего. То же относится и к тебе.

Твой друг
Г. Бабёф

[На обороте]: Гражданке Бабёф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Граф д'Артуа (1757—1836) — младший брат Людовика XVI; эмигрировал из Франции уже в 1789 г. и стал одним из организаторов контрреволюции. Вернулся во Францию во время Реставрации; под именем Карла X правил с 1824 до 1830 г., когда был свергнут Июльской революцией. Умер в изгнании в Австрии.

² Неккер, Ж. (1732—1804), занимавший с августа 1788 г. пост государственного контролера, был отстранен Людовиком XVI 11 июля 1789 г. и снова назначен после штурма Бастилии 14 июля.

³ *Фулон, Ж. Ф.* (1715—1789) — интендант французской армии во время Семилетней войны; член государственного совета; один из участников попытки реакционного переворота 11 июля 1789 г., когда был отстранен Неккер. Возбудил в себе ненависть народных масс Парижа; ему приписывалась фраза: «Если у этой сволочи нет хлеба, пусть едят сено!».

⁴ *Бертье де Совиньи, Л.-Б.-Ф.* (1742—1789) — был интендантом Парижского округа (*généralité*), одно время — военным министром; после отстранения Неккера вновь был назначен на пост интенданта Парижа.

⁵ *Мори* — брат известного лидера крайне реакционного крыла Учредительного собрания аббата Мори Юрист, через которого Бабеф вел переговоры с аббатом Брольи (сыном маршала Брольи — архидиаконом Парижа, коммендатарием Сен-Кантенского аббатства в Бове), с которого Бабеф, бывший до революции февдистом, пытался взыскать долги за произведенные им работы по составлению кадастра владений этого аббатства.

⁶ *Одиффре, Ж.-П.* — математик, с которым Бабеф состоял в переписке с 1786 г.; в 1789 г. Бабеф предложил ему соавторство в подготовлявшейся им к изданию книге «Постоянный кадастр». Бабеф проживал у Одиффре во время своего пребывания в Париже с 17 июля до 16 октября 1789 г.

⁷ Бабеф имеет в виду выпущенную им анонимно в августе 1789 г. брошюру «*La nouvelle distinction des ordres par Monsieur de Mirabeau*». Chez Volland, Libraire, Quai des Augustins.

⁸ *Васс* (*Wasse*) — до 1789 г. служил у Бабефа, когда тот занимался февдистской деятельностью. В ЦПА ИМЛ сохранились письма Васса к Бабефу за 1789—1790 гг., свидетельствующие об их близких, дружеских отношениях.

⁹ *Бабеф, Жан-Батист* — младший брат Бабефа, в 1785—1787 гг. служил в Нуайоне у февдиста Буке; в январе 1788 г. переехал в Руа, где работал в качестве писца у своего брата. После революции занимал незначительные должности в различных городах департамента Соммы.

¹⁰ Бабефу не удалось осуществить своего намерения. Печатание «Постоянного кадастра» («*Cadastre perpétuel*») затянулось до октября 1789 г. Бабеф вернулся в Руа 17 октября 1789 г.

¹¹ Бабеф имеет в виду газету Марата «*L'Ami du Peuple*», газету Демулена «*Les Révolutions de France et de Brabant*» и «*Révolutions de Paris*», издававшуюся Приюдомом. За последней газетой Бабеф очень внимательно следил и в 1793 г. собирався в ней сотрудничать. В архиве ЦПА ИМЛ сохранился сделанный им ряд выписок из этой газеты.

¹² *Рютледж, Джеймс* (1742—1794) — шотландский дворянин, семья которого переехала во Францию в конце XVII в. До революции — литератор и публицист. В 1789 г. вел при поддержке Марата борьбу против Неккера, за что был арестован. Один из видных деятелей клуба Кордельеров до 1791 г.; редактор газеты «*Streuzet*», в которой он защищал идею аграрного закона. Познакомился с Бабефом в 1787 г., в связи с проектом издания «Постоянного кадастра». В 1790 г. Бабеф после ареста избрал Рютледжа своим защитником.

¹³ *Девен, Ж.-Ф.-А.* — владелец типографии в Нуайоне, в которой Бабеф еще в 1786 г. напечатал свою первую брошюру. До 1789 г. состоял в оживленной переписке с Бабефом. В 1790 г. был издателем его газеты «*Le Correspondant Picard*». Вмешательство Девена в редактирование газеты привело к разрыву их личных отношений и прекращению издания газеты.

¹⁴ *Галоп* — житель Арманкура, в 1789—1790 гг. был близко связан с Бабефом, оказывал материальную помощь его семье.

¹⁵ Речь идет о проспекте газеты «*Le Correspondant Picard*», издание которой началось в ноябре 1790 г. Всего вышло четыре номера газеты.

¹⁶ *Клеман де Барвиль* — генеральный прокурор высшего податного суда.

¹⁷ *Губо* — житель г. Руа, негоциант; в 1790 г. принимал деятельное участие в организованном Бабефом движении против уплаты косвенных налогов; во время ареста Бабефа в 1790 г. вел с ним переписку, оказывал материальную поддержку его семье.

¹⁸ В июле 1790 г. в № 153 и № 155 газеты Марата были помещены письмо Бабефа из тюрьмы Консьержери и призыв Марата об оказании помощи Бабефу: «отправиться в Консьержери, посетить нашего брата — патриота Бабефа, поддержать его мужество, оказать ему помощь».

¹⁹ *Лонгекан, Ф.-Т.-Ж.* — в 1790 г. — мэрг. Руа, с 1793 г. прокурор-синдик дистрикта Мондидье, один из ожесточеннейших противников Бабефа, добившихся в 1793 г. его отстранения от должности администратора дистрикта и предания суду.

²⁰ В феврале 1793 г. Бабеф приехал в Париж с целью добиться отмены решения дистрикта Мондидье об отстранении его от должности. Поводом для этого послужило следующее. Президент дистрикта обратился к Бабефу с просьбой исправить акт о продаже национальных имуществ. Вместо того чтобы составить дополнительный акт, Бабеф провел исправление в самом акте о продаже, заменив фамилию покупателя. Враги Бабефа, непрерывно ведшие с ним борьбу все годы революции как с руководителем демократического движения в Пикардии, воспользовались этим незначительным промахом, чтобы обвинить его в служебном преступлении и предать суду.

²¹ Отстранение Бабефа от должности администратора дистрикта Мондидье состоялось в первых числах февраля 1793 г. Бабефу не удалось добиться в Париже отмены этого решения, так как дело уже было передано в уголовный суд.

²² *Фурнье, К.* (1745—1823) (по прозвищу «Фурнье американец», так как до революции жил на о. Сан-Доминго) — участник всех народных движений в Париже в годы революции; один из руководителей клуба Кордельеров. В марте 1793 г. Бабеф поселился у Фурнье; по его просьбе написал памфлет против Марата («С. Fournier — Américain à Marat. Paris, 14 mars, l'An 2 de la Révolution française»), в котором советовал последнему сосредоточить все усилия на достижении «благополучия неимущих классов» («aisance de la classe indigente»).

²³ *Полковник Батавского легиона — Макерстрот*, для которого Бабеф составлял петиции в Конвент. Так называемый Батавский легион был организован голландцами, эмигрировавшими во Францию в 1787 г. после подавления революционного движения в Пруссии.

²⁴ *Леклерк де Реневаля* — судья трибунала в Мондидье; *жюри* — Девиллас, президент дистрикта Мондидье, бывший до революции священником. Привлеченные к суду вместе с Бабефом, они были оправданы в марте 1793 г. Обвинение было сохранено только против Бабефа, который в августе 1793 г. был заочно приговорен к 20 годам каторжных работ и арестован в ноябре.

²⁵ Речь идет об английском генерале Юстэйсе (Eustace), для которого Бабеф составлял петицию.

²⁶ С мая 1793 г. Бабеф работал в качестве секретаря продовольственной администрации Парижа.

²⁷ *Гарен* — парижский булочник, принимал деятельное участие в революции, был связан с Маратом. После избрания мэром Парижа Папа с февраля 1793 г. назначен руководителем продовольственной администрации Парижа; отстранен с этого поста в сентябре 1793 г.

²⁸ Бабеф составлял до революции кадастр владений монастыря Сент-Орен, но еще в 1788 г. вынужден был вступить в конфликт с приором монастыря, отказывавшимся оплатить работу в должных размерах. Судя по переписке Бабефа с женой, ему не удалось добиться получения этой суммы.

²⁹ Бабеф имеет в виду народные выступления 31 мая и 2 июня 1793 г., в результате которых жирондисты были изгнаны из Конвента.

³⁰ *Камилла* — младший сын Бабефа (род. в 1790 г.), после оккупации Парижа в 1814 г. бросился с Вандомской колонны, чтобы не быть свидетелем унижения Франции.

³¹ *Дюмон, А.* (1764—1836) — до революции фэдист; в 1792 г. избран членом Конвента, выезжал с миссией в департамент Соммы и Уазы, один из виднейших деятелей термидорианской реакции; при Наполеоне — супрефект.

³² *Тибодо* — служащий продовольственной администрации Парижа, близко связанный с Бабефом. Взятый на поруки Тибодо, Сильвеном Маршалем и сотрудником продовольственной администрации Добом (Daube), Бабеф был временно освобожден в декабре 1793 г., но вновь арестован в конце января 1794 г.

³³ *Меннесье К.* (род. в 1757 г.) — один из видных деятелей народного движения в Париже в годы революции; после 10 августа 1793 г. — член Совета Коммуны, один из администраторов парижской революционной полиции во время якобинской диктатуры. По предложению Меннесье Бабеф был временно освобожден. Впоследствии принимал активное участие в движении «за равенство», возглавлявшемся Бабефом. В нелегальной организации бабувистов являлся «агентом» III округа Парижа. Был привлечен к суду, но скрылся от ареста и заочно приговорен к высылке.

³⁴ После ареста руководителей бабувистского движения в мае 1796 г. все они, в том числе и Бабеф, содержались в Париже, в тюрьме Тампль, а затем 27 августа в клетках препровождены в Вандом, где должны были происходить заседания Верховного суда. Семья Бабефа в сентябре 1796 г. переехала в Вандом, где находилась до его казни.

³⁵ *Рижор, Ж.-Ф.* (1759—1818) — член Конвента от департамента Вар, якобинец. Находился при итальянской армии, где познакомился с Буонаротти. Участвовал в движении Бабефа; привлекался по Вандомскому процессу, но был оправдан. Подвергался арестам при Наполеоне.

³⁶ В протесте, о котором говорится в письме, обвиняемые доказывали неправоту Верховного суда разбирать их дело. Однако вопреки протесту, суд признал себя правомочным и приступил к судебному разбирательству.

³⁷ Жена депутата Конвента от Парижа Ж.-Ф. Лэнбело, который был связан с движением Бабефа и привлекался к суду, но на процессе был оправдан.